

САВИНА Елена Александровна,
аспирант отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации (ИЗиСП)»,
Ведущий специалист-эксперт отдела законодательства,
Главного управления Минюста России по Москве,
Член ассоциации историков права,
e-mail: elena.sa93@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КОДИФИКАЦИИ В РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье предложена авторская концепция эволюции кодификационной традиции России в советский период через призму институциональной преемственности правовой формы. Обосновывается тезис о том, что советская кодификация не являлась разрывом с дореволюционной моделью, а представляла собой её структурную трансформацию при смене идеологического основания. Показано, что сохранение отраслевой систематизации, деления на Общую и Особенную части, а также научной подготовки проектов кодексов свидетельствует о преемственности юридической техники. Вместе с тем изменение социально-политической направленности законодательства привело к обновлению нормативного содержания и формированию двухуровневой федеративной модели кодификации. Делается вывод о диалектическом сочетании устойчивости правовой формы и изменчивости её идеологического наполнения как ключевой особенности советского этапа развития российского законодательства.

Ключевые слова: кодификация, правовая традиция, советское право, преемственность, юридическая техника, федерализм, систематизация законодательства, Основы законодательства, кодекс, институциональная трансформация.

Для цитирования: Савина Е. А. Исторические традиции кодификации в России и их влияние на советское право // Образование и право. 2026. № 10. С. 222–228.

SAVINA Elena Aleksandrovna,
Postgraduate Student, Department of Theory of Law
and Interdisciplinary Studies of Legislation,
Federal State Research Institution "Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation" (ILCL),
Leading Specialist-Expert, Legislation Department,
Main Directorate of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for Moscow,
Member of the Association of Legal Historians

HISTORICAL TRADITIONS OF CODIFICATION IN RUSSIA AND THEIR INFLUENCE ON SOVIET LAW

Annotation. The article presents the author's concept of the evolution of the Russian codification tradition during the Soviet period through the prism of institutional continuity of legal form. It is argued that Soviet codification did not constitute a rupture with the pre-revolutionary model but rather represented its structural transformation under new ideological foundations. The preservation of branch systematization, the division into General and Special Parts, and the scientific preparation of draft codes demonstrate continuity in legal technique. At the same time, the shift in socio-political orientation led to a substantive renewal of legal regulation and to the formation of a

two-level federal model of codification. The study concludes that the Soviet stage of Russian legal development was characterized by a dialectical combination of stability in legal form and variability in ideological content.

Key words: *codification, legal tradition, Soviet law, continuity, legal technique, federalism, systematization of legislation, Fundamentals of legislation, code, institutional transformation.*

For citation: *Savina E. A. Historical traditions of codification in Russia and their influence on Soviet law. Education and law. 2026;(10):222–228. (In Russ.).*

Введение

Изучение кодификационных процессов в первые годы советской власти является важным для понимания исторических основ формирования отечественного права. Ранний советский период характеризовался сочетанием революционных идей и преемственности дореволюционной юридической техники, что проявилось в проектах «Руководящих начал» 1919 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Историческая традиция российской кодификации определяла системность, пандектную структуру и научно-доктринальное сопровождение законодательства, тогда как идеологические установки нового государства трансформировали содержание правовых норм. В дальнейшем федеративная модель СССР сформировала двухуровневую систему законодательства, в которой союзный центр устанавливал общие начала, а республики принимали отраслевые кодексы. Анализ кодификационного опыта 1920–1960-х гг. позволяет проследить преемственность структурных форм, научного подхода к проектированию права и стремление к унификации, что имеет значение для понимания исторической эволюции советского и современного российского законодательства. Цель статьи – выявить ключевые механизмы взаимодействия дореволюционных традиций и революционного правотворчества в формировании советской кодификации и показать их роль в становлении отраслевых кодексов.

Вопрос кодификации в первые годы советской власти невозможно рассматривать вне исторической традиции систематизации права, сложившейся в Российской империи. Уже в дореволюционный период кодификационные проекты – от «Свода законов» до отраслевых уложений – формировали устойчивую модель правового упорядочения, основанную на идее целостного нормативного корпуса с внутренней логикой и иерархией. [13] Эта традиция, несмотря на революционный разрыв 1917 г., оказала существенное влияние на формирование советской правовой системы, включая уголовное право.

В первые месяцы советской власти предусматривалось создание «Свода законов Российской революции», который должен был заменить имперский Свод. Как отмечал П.И. Стучка, прежде законодательство символически отвергалось,

однако сама идея систематизированного собрания норм свидетельствовала о сохранении кодификационного типа правового мышления. [2] Наибольшая проработка касалась судостроительства и уголовного права, при этом использовались дореволюционные источники – Судебные уставы 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г., что демонстрирует преемственность юрико-технических конструкций.

Реализация универсального Свода не состоялась: партийное руководство настаивало на формировании принципиально новой системы права. Вследствие этого была принята стратегия подготовки систематических собраний действующих актов, последующего принятия отраслевых кодексов и регулярного обновления законодательства.

В декабре 1917 г. Наркомат юстиции инициировал проект Советского уголовного уложения как переходного документа между имперским и новым правопорядком. Уже к марту 1918 г. был подготовлен проект, во многом воспроизводивший положения Уголовного уложения 1903 г. и дополненный декретами советской власти. [12]

Ситуация усложнилась в годы Гражданской войны, когда наркомат возглавили П.И. Стучка, затем Д.И. Курский. На первый план вышла идея уголовного права, основанного на социалистическом правосознании и принципах революционной законности. Декрет от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР» предписывал руководствоваться социалистическим правосознанием при отсутствии законодательства, что обозначило усиление идеологического критерия правоприменения.

Тем не менее традиция кодификации сохранялась как инструмент институционализации власти. В.И. Ленин подчёркивал необходимость систематизации законодательства для функционирования государства, что сформировало требования к структуре, языку и логике нормативных актов. Существенным этапом стала частичная кодификация в форме «Руководящих начал по уголовному праву» 1919 г., подготовленных П.И. Стучкой, М.Ю. Козловским, Д.И. Курским и другими. [10] Документ выполнял функцию кодифицированной Общей части уголовного права, сочетая революционную идеологию с элементами дореволюционной юридической техники – системным делением на главы, формулировкой дефиниций, структури-

рованием норм.

«Руководящие начала» закрепляли понятие преступления, цели и виды наказаний, институты стадии совершения преступления и соучастия, основы условного осуждения. При этом сохранялись принципы классической школы уголовного права, включая личную вину и недопустимость наказания малолетних и душевнобольных.

Закреплённый в «Руководящих началах» перечень наказаний носил примерный характер, что свидетельствовало о сохранении значительной судебской дискреции и отказе от имперского принципа строгой определённости. [5] Вместе с тем объединение ключевых институтов Общей части в едином акте отражало преемственность кодификационного метода, характерного для российской правовой традиции. Новый этап кодификационной работы был связан с XI Всероссийской конференцией РКП(б) (1921 г.), которая придала кодификации статус партийной директивы и подчеркнула необходимость регулирования новых социально-экономических отношений. В период НЭПа возросла потребность в нормативной стабильности, поскольку фрагментарная регламентация «Руководящих начал» уже не соответствовала задачам централизованного государства. [9]

Усиление государственной вертикали требовало унификации судебной практики и чёткого определения оснований ответственности. Д.И. Курский настаивал на концепции «революционной законности» как основе новой системы права, сочетавшей строгую ответственность с укреплением пролетарского суда. Проект Уголовного кодекса РСФСР 1920-1922 гг. создавался в условиях дефицита квалифицированных юристов, что усложняло соблюдение требований законодательной техники. Тем не менее общая схема кодекса, предложенная М.Ю. Козловским, сохраняла пандектную систематику дореволюционной кодификации.

В разработке Общей части УК РСФСР 1922 г. значительную роль сыграл Д.И. Курский, а проект мыслился как модельный акт для унификации уголовного законодательства союзных республик. [5] Обсуждение проходило на съездах работников юстиции, в губернских отделах и научных учреждениях, включая Институт советского права, с участием М.М. Исаева, что свидетельствует о включении доктринального компонента в кодификационный процесс. Дискуссии 1921-1922 гг. выявили противоречие между сторонниками строгой кодификации и защитниками «революционного правосознания» [8]. Итоговая редакция кода закрепила пандектную структуру - Общую и Особенную части - и стала первым завершённым отраслевым кодексом советского периода. УК 1922 г.

отличался компактностью и лаконичностью, а подготовленный научно-практический комментарий обеспечивал формирование устойчивой доктринальной среды. Концептуально значительное влияние оказала социологическая школа уголовного права, идеи «опасного состояния» трансформировались в учение о «социально опасной личности», что предопределило институты рецидива и мер воспитательного воздействия. Общая часть закрепила классово окрашенное определение преступления через категорию общественной опасности и вины, сохранив пандектную структуру и форму институтов дореволюционной систематики [3].

Термин «наказание» использовался как мера социальной защиты, демонстрируя напряжение между юридической традицией и идеологическими установками. В сфере вины и покушения сохранялась преемственность с Уложением 1903 г., однако введение норм о мерах к «социально опасным элементам» показывало расширение превентивного начала. [17] Особенная часть продолжила группировку составов по объекту посягательства, при этом приоритет государственных преступлений и дефиниция контрреволюционного деяния отражали идеологическую политизацию уголовного права при сохранении дореволюционной техники кодификации.

Юридико-технически кодекс отличался более высокой степенью формализации санкций по сравнению с «Руководящими началами» 1919 г., переходом от примерного перечня к системе относительно определённых наказаний, что подчёркивал М.Н. Гернет. Одновременно сохранялись элементы дискреции, связанные с аналогией закона и категорией «опасного состояния», что впоследствии вызвало критику [11].

В целом УК РСФСР 1922 г. стал важнейшим этапом эволюции отечественной кодификационной традиции. Он подтвердил устойчивость российской модели отраслевой систематизации и научного сопровождения законодательного процесса, но наполнил её иным социально-политическим содержанием. Тем самым советская уголовная кодификация продемонстрировала не разрыв, а трансформацию исторической традиции: сохранение формы при радикальном обновлении нормативной идеологии. [18]

Проблема исторической преемственности российской кодификации в 1920-1930-е гг. требует выхода за пределы традиционной схемы «разрыв - преемственность». Представляется методологически продуктивным рассматривать советскую кодификацию не как отрицание дореволюционной модели и не как её простое продолжение, а как феномен структурной трансформации правовой формы при идеологической переориентации со-

держания [6]. Иначе говоря, в рассматриваемый период произошло не разрушение кодификационной традиции, а её институциональная адаптация к новому типу государственности [4].

В дореволюционной России кодификация развивалась в логике юридического рационализма, ориентированного на системность, иерархичность и формальную определённость норм. Эта логика получила концентрированное выражение в Свод законов Российской империи, который закрепил представление о праве как о внутренне упорядоченной системе, поддающейся научной обработке и нормативной унификации. Существенно, что в рамках этой модели кодификация рассматривалась не только как технический, но и как государственно-политический акт: она обеспечивала управляемость огромной имперской территории через унификацию правового пространства.

Советская власть, декларируя разрыв с «буржуазным правом», фактически унаследовала именно этот - системно-организационный - аспект кодификационной культуры. Уже сам факт создания специализированных органов по систематизации законодательства свидетельствует о том, что новая власть осознавала необходимость нормативной централизации. Однако принципиальное отличие заключалось в ином понимании функций права. Если дореволюционная кодификация стремилась стабилизировать сложившиеся общественные отношения, то советская кодификация выступила инструментом их трансформации [14].

В этой связи предлагается выделить три уровня эволюции кодификационной традиции в 1920-1930-е гг.

Первый уровень - формально-структурный. Советские кодексы начала 1920-х гг. воспроизводят классическую отраслевую модель, характерную для континентальной правовой семьи: деление на общую и особенную части, иерархия источников, систематическая группировка институтов. Эта конструкция не была «буржуазной» по своей природе; она являлась универсальной формой юридической рациональности. Таким образом, структурная преемственность оказалась глубже идеологического разрыва.

Второй уровень - функционально-целевой. В дореволюционной модели право выполняло преимущественно охранительную и регулятивную функции.

В советской концепции 1920-х гг. оно стало средством социального конструирования. Кодекс превратился из акта фиксации существующего порядка в нормативный проект будущего. Именно поэтому кодификация в условиях НЭПа имела двойственный характер: она одновременно стабилизировала экономический оборот и задавала

границы допустимой частной инициативы.

Третий уровень - идеологико-доктринальный. Советская правовая теория исходила из классовой обусловленности права. Однако на практике кодификационная деятельность неизбежно опиралась на научные методы систематизации, разработанные ещё дореволюционной юриспруденцией. Возник своеобразный парадокс: при отрицании прежней теоретической базы использовались её понятийные инструменты. Тем самым сформировалась гибридная модель, в которой идеологическая интерпретация сочеталась с традиционной юридической техникой. [19]

Особого внимания заслуживает период конца 1920-х - начала 1930-х гг. Здесь кодификация начинает приобретать черты нормативной централизации, соотносимой уже не с имперской, а с плано-административной логикой управления. Усиление союзного начала, формирование общесоюзных «Основ законодательства», унификация правового пространства - всё это свидетельствует о переходе от отраслевой автономии к модели нормативной иерархии, подчинённой политическому центру. При этом форма кодекса сохраняется, но её внутренняя автономия постепенно сокращается [15].

Предлагаемая концепция позволяет по-новому оценить и проблему так называемого «свертывания кодификации» в 1930-е гг. Речь шла не о прекращении систематизации, а о смене её приоритетов: кодификация уступила место директивному нормотворчеству, однако ранее созданные кодексы продолжали выполнять функцию системообразующих актов. Таким образом, кодификационная традиция не исчезла, а была встроена в административно-командную модель управления. [7]

С методологической точки зрения целесообразно рассматривать советскую кодификацию как этап институциональной адаптации российской правовой формы к новому социально-политическому содержанию. В этом смысле 1920-1930-е гг. стали лабораторией правового синтеза, где дореволюционная системность и революционная идеология образовали особый тип нормативной организации. Этот тип отличался высокой степенью централизации, при сохранении внешних признаков классической кодексовой структуры. [20]

Следовательно, историческая традиция российской кодификации проявилась не столько в сохранении конкретных норм или институтов, сколько в устойчивости самой идеи права как системного, иерархически организованного и научно оформленного нормативного массива. Именно эта идея пережила смену политических режимов и обеспечила преемственность юридической куль-

туры в условиях радикальной социальной трансформации. [21]

Федеративная конструкция СССР предопределила особую модель советского законодательства, где исторические традиции российской кодификации получили новое институциональное выражение. Если дореволюционная Россия строила единство права через централизованную систематизацию норм, то советское государство сохранило идею иерархически организованного законодательства, наполняя её социалистическим содержанием. С образованием СССР законодательство стало двухуровневым: союзный центр устанавливал общие начала, республики принимали отраслевые кодексы. Проекты общесоюзных кодексов 1930-1940-х гг. разрабатывались с участием ведущих специалистов - Д.И. Курского, Н.В. Крыленко, Е.Г. Ширвиндта, Я.Ф. Миколенко, Д.М. Генкина и др., что подчеркивало научно-организованный характер кодификации. [1] Конституция 1936 г. формально расширила полномочия Союза, однако политические изменения середины 1950-х гг. вернули большую часть кодификации на республиканский уровень при сохранении союзных Основ. Общесоюзные Основы и республиканские кодексы 1961-1964 гг. реализовали двухуровневую модель, объединяя централизующие и федеративные начала [16]. В советской кодификации проявилась преемственность дореволюционной системности и научной подготовки проектов, хотя содержание и политическая направленность отражали специфику социалистического государства. Попытка создания Гражданского кодекса СССР в 1938-1951 гг. показала сложность совмещения централизованной модели с федеративной структурой. Историческая традиция кодификации обеспечивала системность, иерархичность и научную проработку нормативного материала на всех этапах развития советского права. Современная практика РФ опирается на опыт XX в., сочетая централизующие и федеративные подходы при создании целостных нормативных актов.

Анализ кодификационных процессов в советский период показывает, что преемственность с дореволюционной системой права проявлялась не столько в конкретных нормах, сколько в методологической и структурной логике формирования кодексов. Интересно, что сохранение классической пандектной модели позволило юристам сохранять системность и предсказуемость норм даже в условиях идеологически насыщенного правотворчества [14].

При этом трансформация содержания кодексов отражала потребности нового социального строя и политической реальности: нормы были ориентированы на укрепление социалистического

государства, регулирование общественных отношений и адаптацию к федеративной структуре СССР. Такое сочетание структуры и нового функционального наполнения создаёт уникальный феномен «юридической гибкости» - способность правовой формы адаптироваться к меняющимся задачам государства, не теряя внутренней логики.

Дополнительно следует подчеркнуть роль кодификации как инструмента легитимации власти: через систематизацию и унификацию норм государство формировало единый правовой горизонт, создавая основу для прогнозируемости и контроля. В то же время научно-доктринальное сопровождение кодексов способствовало формированию профессиональной среды и закреплению юридической экспертизы, что отражает устойчивость института права даже в условиях радикальных политических изменений.

Таким образом, советская кодификация выступала одновременно инструментом политики, социальной инженерии и юридической систематизации, демонстрируя способность правовой техники интегрировать традицию и инновацию.

Заключение

Исследование показывает, что советская кодификация стала примером успешной институциональной адаптации: историческая традиция российской систематизации законодательства не была утрачена, а получила новую интерпретацию в контексте социалистической государственности и федеративной структуры СССР.

Феномен советской кодификации иллюстрирует способность права сохранять свою внутреннюю организацию и методологию при радикальном изменении идеологического и социального содержания. Это позволило обеспечить преемственность юридической техники, создавать устойчивые нормативные структуры и формировать правовую культуру, способную интегрировать научные и практические подходы.

Выводы исследования имеют актуальное значение для современного этапа развития российской кодификации: опыт сочетания структурной системности и идеологической трансформации может быть использован при проектировании межотраслевых кодексов, совершенствовании нормативной базы и построении механизмов федеративного регулирования, обеспечивая баланс между целостностью правовой системы и адаптацией к социально-политическим реалиям.

Список литературы:

[1] Брауде И. Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. - Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Пра-

вительстве Российской Федерации, 2010. - 160 с.

[2] Бреев А. В. О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // Управленческое консультирование. - 2015. - № 10 (82).

[3] Власова Т., Лесовая Т. Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2025. - № 1. - С. 17–27.

[4] Галай Ю. Г. К истории кодификации российского гражданского права: опыт деятельности Комиссии по проектированию гражданского уложения 1882 г. // Публикации ВШЭ. - 2022. - С. 1–16.

[5] Герцензон А. А. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР и их историческое значение // Проблемы социалистического права. - 1938. - № 3. - С. 8–12.

[6] Горячковская Ю. М., Исаенко В. А. Кодификация в системе форм систематизации законодательства // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8 (224).

[7] Из истории кодификации законодательства РФ о государственной службе: 1990-е годы // ResearchGate. - 2025. - С. 1–10.

[8] Исаев М. М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. - Ленинград: Государственное издательство, 1927. - 187 с.

[9] Козаченко И. Я. Исторический опыт криминализации: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 2. - С. 3–34.

[10] Окунева М. О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2016. - № 4.

[11] Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. - Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1929. - 496 с.

[12] Токарева С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex Russica. - 2019. - № 10 (155).

[13] Фетищев Д. В., Галузо В. Н., Меньшин П. А. О систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. - 2025.

[14] Шатковская Т. В., Клеветова Е. Исторические формы техники кодификации в России (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник Поволжского института управления РАНХиГС. - 2024. - С. 44–55.

[15] Шатковская Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности // Пра-

вовой порядок и правовые ценности. - 2023. - № 1.

[16] Ящук Т. Ф. Проекты кодификации общесоюзного законодательства СССР (конец 1920-х - начало 1950-х гг.) // Государство и право. - 2024. - № 10. - С. 216–223.

[17] История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]; под ред. Ю.П. Титова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2012. - С. 297.

[18] Трикоз, Е. Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности / Е. Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2022. - Т. 26, № 4. - С. 890-920.

[19] Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды / Редакционная коллегия: И.Н. Кузнецов (главный редактор), Е.В. Болдырев, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, М.Я. Булошников, И.Ф. Казьмин, В.А. Копылов, М.Л. Захаров, В.С. Пронина, С.А. Яни. Том 26. - Москва : Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1983. - 232 с.

[20] Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник СПбМВД. - 2025. - С. 18.

[21] Колчин, А. А. Кодификационные процессы в сфере советского права: историко-юридический аспект / А. А. Колчин, Ю. А. Мышко // Гуманитарные исследования Центральной России. - 2023. - № 1(26). - С. 7-15.

References:

[1] Braude I. L. Selected Works: Essays on Legislative Technique. Selected Issues Regarding the System of Soviet Law. — Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. — 160 p.

[2] Breev A. V. On the Development of the Political and Legal Views of P. I. Stuchka // Management Consulting. — 2015. — No. 10 (82).

[3] Vlasova T., Lesovaya T. Codification of Law: Selected Problematic Issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — No. 1. — pp. 17–27.

[4] Galay Yu. G. On the History of the Codification of Russian Civil Law: The Experience of the Commission for Drafting a Civil Code (1882) // HSE Publications. — 2022. — pp. 1–16.

[5] Gertsenzon A. A. Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR and Their Historical Significance // Problems of Socialist Law. — 1938. — No. 3. — pp. 8–12.

[6] Goryachkovskaya Yu. M., Isaenko

V. A. Codification within the System of Forms of Legislative Systematization // Law and State: Theory and Practice. — 2023. — No. 8 (224).

[7] From the History of the Codification of Russian Federation Legislation on the Civil Service: The 1990s // ResearchGate. — 2025. — pp. 1–10.

[8] Isaev M. M. Fundamental Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. — Leningrad: State Publishing House, 1927. — 187 p.

[9] Kozachenko I. Ya. The Historical Experience of Criminalization: On the 100th Anniversary of the "Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR" // Russian Law: Education, Practice, Science. — 2019. — No. 2. — pp. 3–34.

[10] Okuneva M. O. The Influence of the Sociological School on the Codification of Soviet Criminal Legislation (1917–1922) // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. — 2016. — No. 4.

[11] Rozenblum D. S. Land Law of the RSFSR. — Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1929. — 496 p.

[12] Tokareva S. N. The Codification of Criminal Law in the Early Years of Soviet Power: From Continuity to Autonomy // Lex Russica. — 2019. — No. 10 (155).

[13] Fetishchev D. V., Galuzo V. N., Menshenin P. A. On the Systematization of Legislation in Newly Formed Subjects of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. — 2025.

[14] Shatkovskaya T. V., Klevetova E. Historical Forms of Codification Technique in Russia (A Case Study of the Digest of Laws of the Russian Empire) //

Bulletin of the Volga Institute of Administration (RANEPA). — 2024. — pp. 44–55.

[15] Shatkovskaya T. V. Key Directions of the Russian Federation's State Policy in the Sphere of Intellectual Property // Legal Order and Legal Values. — 2023. — No. 1.

[16] Yashchuk, T. F. Projects for the Codification of All-Union Legislation of the USSR (Late 1920s – Early 1950s) // State and Law. — 2024. — No. 10. — pp. 216–223.

[17] History of the State and Law of Russia: A Textbook / V. M. Kleandrova, R. S. Mulukaev, et al.; ed. by Yu. P. Titov. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospekt, 2012. — p. 297.

[18] Trikoz, E. N. The Model of Soviet Criminal Law Codification: Methodological and Legal-Technical Features / E. N. Trikoz // RUDN Journal of Law. — 2022. — Vol. 26, No. 4. — pp. 890–920.

[19] Problems of Improving Soviet Legislation: Proceedings / Editorial Board: I. N. Kuznetsov (Editor-in-Chief), E. V. Boldyrev, M. I. Braginsky, S. N. Bratus, M. Ya. Buloshnikov, I. F. Kazmin, V. A. Kopylov, M. L. Zakharov, V. S. Pronina, S. A. Yani. Vol. 26. — Moscow: All-Union Research Institute of Soviet Legislation, 1983. — 232 p.

[20] Codification of Law: Selected Problematic Issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs (Vestnik SPbMVD). — 2025. — P. 1–8.

[21] Kolchin, A. A. Codification Processes in the Sphere of Soviet Law: A Historical-Legal Aspect / A. A. Kolchin, Yu. A. Myshko // Humanitarian Studies of Central Russia. — 2023. — No. 1(26). — P. 7–15.

